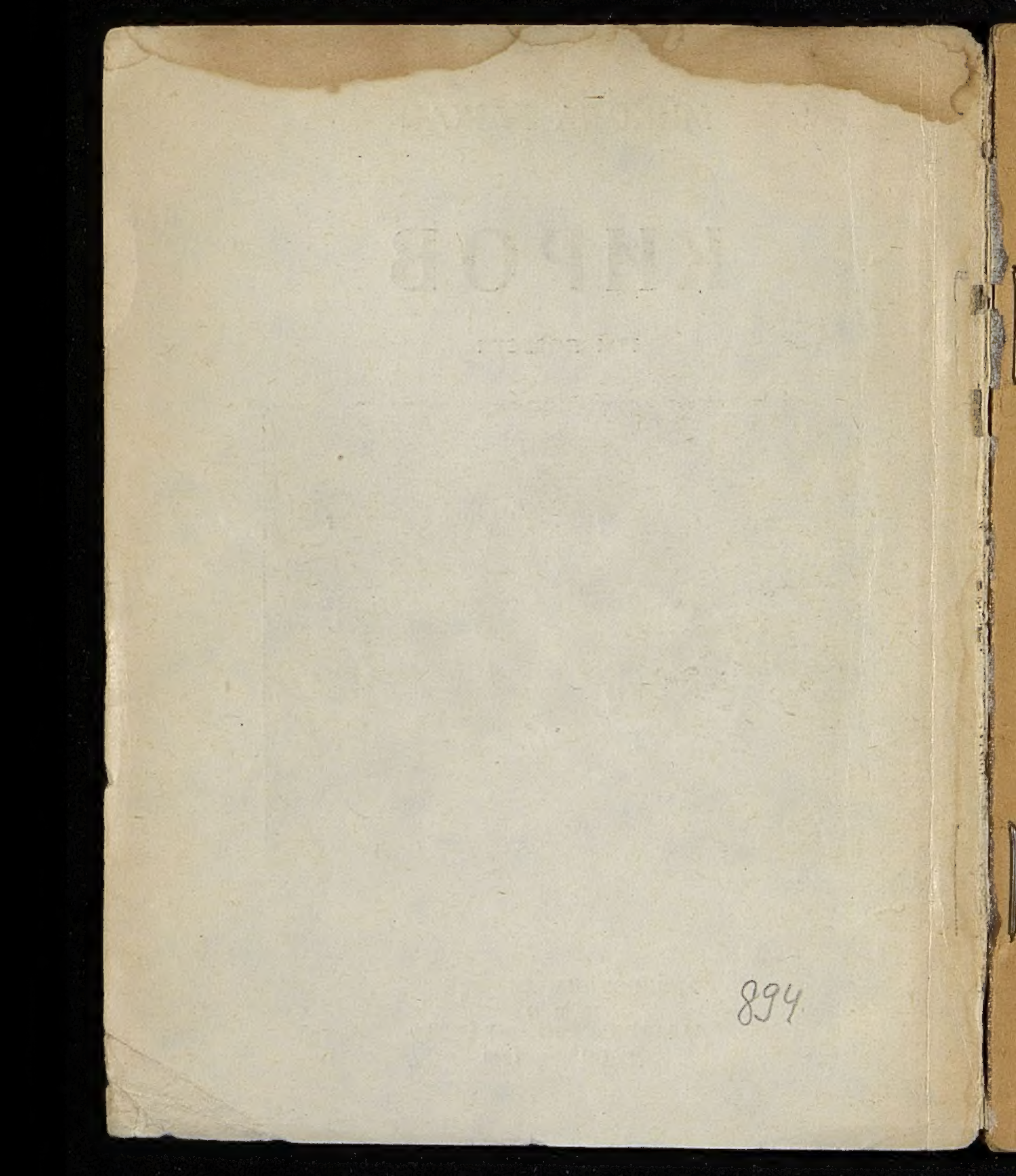
МИКОЛА БАЖАН

КИРОВ

ТРИ ПОВЕСТИ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 61-62
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
МОСКВА — 1940

894

МИКОЛА БАЖАН

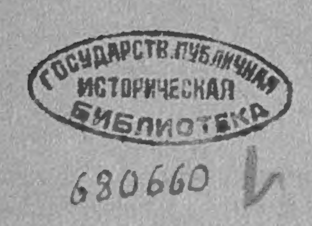
КИРОВ

ТРИ ПОВЕСТИ

АВТОРИЗОВАННЫЙ
ПЕРЕВОД С УКРАИНСКОГО
БОРИСА ТУРГАНОВА

Издательство „Правда"
Москва—1940

На обложке снимок с портрета С. М. Кирова работы заслуженного деятеля искусств И. И. Бродского.

Отв. редактор—И. ШАМОРИКОВ

Издательство „Правда" Изд. № 1261

А34288 Зак. тип. 3021. Тираж 50 000

Формат бумаги 105×148 мм. 2½ п. л. Кол. зн. в 1 п. л. 43 200

Книга сдана в набор 10/XI 1940 г. Подп. к печ. 11/XII 1940 г.

Типография «Красное знамя», Москва, Сущевская, 21.

ЗНАМЯ

Все говорили шопотом. Забытый,
Давно заглох шумливый самовар;
Он загудел и выдыхнул сердито
Белесый пепел и румяный жар.
Мерцая, разгорелся на прощанье
Пушистый уголь...
«Хочешь чаю?» — «Нет».
Дешевый сахар оседал в стакане,
На донце оставляя бледный след.
Чай остывал. В печи широкогорлой,
Дымясь, шипели мокрые дрова,
И огоньки, вдруг вспыхнувши проворно,
Потрескивали, теплились едва.
Подбросили еще чурбан осины —
Он корчился, охваченный огнем.
«Уже давно за полночь, Катерина!
Ты не идешь, так мы к тебе идем!»
Девичий, звонкий голос торопливо
Откликнулся из-за стены: «Иду!
Какой ты, Осип, стал нетерпеливый!»
«Спешит Сергей, а я спокойно жду!»

Смахнувши крошки со стола к порогу,
Сергей сидел, коптилкой озарен.
В пятизарядный барабан «бульдога»
Не умещался погнутый патрон.
От пистолета — помощи немного,
А все же демонстрант вооружен.
Итти в рядах рабочего народа,
Возглавить и вести растущий вал, —
Так большевистский комитет сказал,
Не отступил, меньшевикам в угоду.
Все решено. И большевик не спал,
Оружие готовя для похода, —
Нехитрый свой, подпольный арсенал.

На друга Осип посмотрел любовно:
Чуть пробивались усики, и рот,
Прочерченный улыбчиво и ровно,
Закаменел под тяжестью забот.
Решительный, округлый подбородок
И твердая, скуластая щека, —
Товарищ из окраинных слободок,
Он целит метко, бьет наверняка.
Не зря Сергей патроны боевые
Берет с собой, готовит их не зря:
Не забывай, не забывай, Россия,
Девятый день седого января!
И вот уж девять суток пролетело.
Вот восемнадцатое. В окнах — свет.
Сергей из тех, кто выполнит умело
Все, что ему поручит комитет.

«Сережа! — крикнул Осип. — Эх, Сережа,
Как славно жить, дружище, чорт возьми!
Вот лето скоро — жду его, тревожась,
Дождусь-таки — оно придет, пойми!
Тогда забуду грязную печатню
С прокислой вонью клея да свинца!
Мне снится даль — все ярче, необъятней —
И молодость для всех нас — без конца,
И заросли черемухи близ Томи,
И в легкой дымке тихие леса,
И полные мечтательной истомы
Там, за рекой, девичьи голоса...
Мы не умрем, Сережа, мы не можем
Погибнуть в дни, когда нам надо жить,
Мы твердо знаем: мы их уничтожим,
Творить умея, сможем победить.
Ты, злой орел, двуглавый ворон черный,
Предсмертным криком изойдя, немей!..»
И Осип встал, веселый и задорный,
Непобедимый в юности своей,
И другу в очи заглянул Сергей.
Он встретил взгляд, задумчивый и властный;
Из светлозолотистого зрачка
Сверкала искорка, внезапна и ярка,
И все светлело, становилось ясно...

Рассвет придет, и люди выйдут смело,
И порохом пропахнут снег и дым,
Рассвет придет, и — разом — без предела

Весь мир, все судьбы видно станет им,
Собратьям томским, парням молодым.

Вот из своей каморки Катерина
Выходит, поднимая с торжеством
Простой отрез дешевого сатина,
Украшенный простым ее шитьем.
Багряный знак легко и величаво
Взял Кононов и поднял над собой:
«Вот он, наш стяг, святое наше право
Нести пожар по всей земле родной.
Как хочется для восстающей нови
Нам, каждому, столетиями жить,
Как хочется все силы посвятить
Для дела класса, все, до капли крови!»
И юноше казалось на мгновенье,
Что там не флаг — что там горит заря,
Что кровь и пламя, в яростном смешеньи,
Все небо всколыхнули, обагря,
И жаркое, могучее теченье
Мир омывает, пурпуром горя.
Бессмертный стяг — он реет над мирами,
Высокий свиток чистого огня!
«Клянусь, тебя я подниму над нами!
Клянусь, ты жизни больше для меня!»

Снег запылал морозно и багрово,
Снег закружил, сверкая, круговерть,
И день, взойдя, скрепил—на жизнь и смерть—
Присягу юных — искреннее слово.

. . . .

Еще в тумане розовеет лед
До хруста промороженной Ушайки,
Но вот уже мелькают у ворот
Лабазники, шпики, сбегаясь в стайки.
Крик: «Становись!» Тревожный шум толпы,
Сердитый визг и хохот хрипловатый,
Бас пристава, как будто рык трубы,
И «Марсельезы» первые раскаты.
Вихрастый грузчик, девушка в платке,
Студент в очках, веселый и отважный,
Становятся в ряды, рука к руке,
И выступают. Заскрипел протяжно
Промерзлый наст. А Томск встречает их
Молчаньем улиц и шеренгой черных
Городовых, безликих и глухих,
Затем — свистком из-за оград соборных
И откликами вслед — свистков других.

Так пролетарии входили в город.
В морозной мгле за рядом новый ряд
Затягивал торжественно и гордо
Неслыханную песню баррикад.
Ее припев, толпою повторенный,
Звучал взволнованно и горячо,
И песня поднималась над колонной
И люди шли, сомкнув с плечом плечо.
И Кононов в тот миг над головою,
Как вызов, резко развернул свой флаг,
И даже древко вздрогнуло в руках
В предчувствии вскипающего боя.

Сергей был рядом... Что-то крикнул он
И замолчал, сжимая сталь «бульдога».
Толпа плыла размеренно и строго,
Почуяв силу сомкнутых колонн.
Все вырастали, силы набирая,
Грозили, наступали голоса.
Вдруг пристав скрылся. Не переставая,
Трещал свисток, сливаясь с воем пса.
И не смолкал свисток, тревожно гулкий,
Пока не отделились от стены
Косматые, седые скакуны
Казачьей сотни, скрытой в переулке.
И все затихло, слышалось одно:
Как в мерзлый камень дробно бьет копыто...
О миг борьбы, впервые пережитый,
Тебя навек запомнить суждено!
«Огонь! Огонь!» И выстрел щелкнул сухо:
Короткий и совсем нестрашный звук.
Пять раз подряд, пять раз ударил глухо
Злой барабан, заканчивая круг.
Шарахнула свинцом крутая россыпь,
И на скаку смешался конный ряд.
Под звуки песни гордо вскинул Осип
Высокий флаг. Они бегут назад!
Но тут же со двора, из подворотни,
Из переулков, изо всех углов
На выручку ошеломленной сотне,
Рабочим в спину — выстрелы шпиков.
Стреляй, Сергей! По наледи Ушайки
Скрежещут пули. Не бежит никто.

Вот на плече — багровый след нагайки,
Вот шашкою рассечено пальто.
Сергей стрелял, и заряжал, и снова
Слал, раз за разом, очередь свинца,
Учась науке трудной и суровой —
Работе боя, выдержке бойца.

...Короткий свист, мохнатые папахи,
И храп коня над самой головой...
Шатнулся Осип, и в предсмертном взмахе
Багряный флаг сорвал своей рукой
И навзничь пал... На мерзлый снег, на знамя —
Бесформенные пятна. Свист. Огонь.
«Клянусь, тебя я подниму над нами!»
И, крепко стиснув, не разжал ладонь.
И чтоб рука врагов не осквернила
Захваченный у мертвого трофей,
Он, скомкав знамя, из последней силы
Прижал его к большой груди своей.
. . . .

Как глубоко глаза Сергея впали,
Как черен рот, запекшийся, что кровь!
И день погас, и сумрак выплыл вновь,
И ночь Сибири омрачила дали
И опустила медленный покров
Над фосфорным сиянием снегов.
Рот напряжен от сдержанного крика,
Но крикнуть — это значит ослабеть!
Отчаянье — бессмысленно и дико,

Какая власть нужна собой владеть!
Еще лишь миг, еще лишь шаг — и бездны
Раскроются во мгле людских сердец,
Безвыходны, темны и неизвестны,
И это — смерть, товарищи, конец!
Молчи, Сергей! Впервые в этой встрече
Ты видел братьев, гибнущих в рядах,
Их злую смерть, их раннее увечье,
И стяг бессмертья, стиснутый в руках.

Молчат кругом. Никто не спросит, нет,
У Катерины, бледной, полумертвой,
Зачем щека хранит печальный след —
Соленый след слезы, еще нестертой.
Одна она, сжимая кулаки,
Поплакала в каморке, одиноко,
Ища в слезах спасенья от тоски,
Тоски невыносимой и жестокой...

Как прежде — вечер, комната, окно,
Цветастые, линялые обои,
И в комнате — беззвучно и темно,
Она полна, как прежде, тишиною.
Рассвет и темь — почти неотделимы,
От печки веет утренним теплом,
И всем казалось — он придет, любимый,
Сейчас вернется к ним, в знакомый дом.
Ведь Осип только запоздал, и снова
Придет на совещанье в комитет,
Для бодрых встреч, для спора молодого

Над ворохом листовок и газет.
Вот загрохочут каблуки, ворвется,
С улыбкой виноватой, милый друг,
Ушанку скинет, латаный кожух
Швырнет на табуретку, засмеется.
Он закричит: «Макушин, хитрый плут,
Опять заставил набирать афиши!»
И Кострикову усмехнется тут,
И, руку стиснув, примостится ближе,
Чтоб, русой головой поникнув ниже,
Притихнуть на коротких пять минут.
Тогда «Вперед» появится на свет,
Прибывший из Женевы через Питер,
Сергей начнет читать — пусть комитет
Запомнит все, вплоть до последних литер...
Не надо, Катя, горечи не множь:
Он честно умер за родное дело,
И весть о нем, о нашем друге смелом,
В Швейцарии услышит мудрый вождь.

«Великий друг, товарищ наш далекий!
Спокойствие твоих могучих слов,
Их прямота, их мудрые уроки
Еще роднее нам в часы боев.
О, сколько сил вливал нам в души ты,
Будя в отсталых смелые мечты!
Наш старший брат, далекий наш товарищ!
В Москве, и в Риге, и в столице вновь
Кровь пролилась, и в Томске — дым пожарищ,
И вновь прольется по России кровь —

Мы помним это, мы, рабочий класс:
Без жертв свободы не добыть для нас.
Далекий друг, ты знаешь — умер Осип...
Нам тяжело, но мы не поддались,
Ведь он, как мы, готов был, все отбросив,
Бесстрашно биться за социализм.
Так пусть же весть о павшем, как венок,
Вплетется в строй твоих высоких строк!..»
Сергей писал. Друзья смотрели, вторя,
Перебирая за листом листы,
Ища слова предельной простоты,
Но неподвластные тоске и горю.

Сергей писал. «Не плачьте, — он писал, —
Над трупами бойцов погибших...» — строки
Любимой песни Осипа. Певал
Ее он часто голосом высоким,
Когда на сходку всех нас созывал
Для общих читок, и его сигнал
Нас наполнял волнением глубоким.
Навстречу бурям, в дальние походы,
На бой с приспешниками черной тьмы,
На славный бой под знаменем свободы
С тобою вместе собирались мы.
Вот, лето скоро... Заиграют воды,
Ломая лед сибирской злой зимы,
И ты, знаток рыбалки и природы,
Вздохнешь привольно, сидя у кормы...
Глаза Сергея, сумрачные в гневе,
Окинули друзей притихший круг:

«Пускай услышит наш собрат в Женеве,
Пускай узнает наш ближайший друг,
Что Осип пал — и подтвердите все вы, —
Пал, как герой, от пули царских слуг,
Но светлый мир растет в кровавом севе.
И знамя мы не выпустим из рук.
Он сам его от торжества тиранов
Скрыл на груди слабеющей рукой.
Я жизнь отдам, измыслю сотню планов,
Но знамя мы добудем!»

...За стеной
Ревел буран; как сотни барабанов,
Стучал о стекла снег, что соль, сухой.
Над городом свирепый вой метели,
Летят со свистом снежные клубы.
Не спится Томску, Томск уже недели
Ждет взрывов, ждет пожаров и стрельбы.
Настороженно слушают в постели
Купцы, купчихи, барыни, попы.
Городовые прячутся в шинели,
Закутывая башлыками лбы
«Кто мне поможет ночью в нашем деле,
Пойдет со мной, без лишней похвальбы?»
Пронесся ветер, вея снежным прахом,
Отгрохотал над кровлями домов,
И отзвуки крылатым, долгим взмахом
Прошли в безмолвьи царских городов.

Ночь начиналась тишиной и страхом,
Да перекличкой пьяных приставов
В фуражках с медным двухголовым знаком —
Гербом казарм, участков, кабаков.

Сергей поднялся, ко всему готовый,
Схватил пальтишко. Приподнял засов.
Остановясь, хотел прибавить слово,
Но молча встал за ним Иван Лисов.
Они неслышно пробирались вместе —
Калитка только стукнула вдали.
Морозной пылью в вышине цвели
Холодные, колючие созвездья.
Мороз стоял без края, без границ —
Великим, тихим океаном стужи,
И ветер примерзал к земле все туже,
Как в лед вмерзают крылья мертвых птиц.
Молчание шло с севера. Оно
Надвинулось во всем своем объеме.
От холода растрескивалось дно
Задавленной, окоченелой Томи.
Кристалл снежинок, мерзлый, жесткий прах,
Покрыл всю землю россыпью соленой,
И звездный свет был раздроблен в снегах
На синий луч, на желтый и зеленый.
Как нестерпима эта синева!
Лицо Ивана — словно неживое.
Бескрайний мир скрежещет под ногою,
На сотни верст вокруг — земля мертва.

Свернуть сюда. Вдали от зданий сонных
Стоит ограда. Открывая край,
Отстала известь. С кирпичей казенных
Свисает иней — снеговой лишай.
Глухие стены городской мертвецкой,
Глухая тишь, нагих ветвей узор.
Смеялся Осип, молодо и дерзко:
«Что сверстано — не попадет в разбор!»
Да, наше сердце — яростно и жадно,
Твори и рушь, и создавай, и строй!
Ты входишь в мир, суровый и громадный,
В прекрасный мир, наполненный борьбой!
Бывает миг — и сотни жизней мало,
Бывает миг — и слух наполнит дрожь,
И слышишь дальний шопот за Уралом,
Речь, за́ морем звучащую, поймешь.
Приходит все — покой и воля — разом,
Вся жизнь ясна — такой бывает миг!
Так было с этим парнем сероглазым:
Он волю жить и побеждать постиг.

Пора итти. По сумрачной аллее
Проникнуть вглубь, минуя двор во мгле...
Зовет Иван, от тишины слабея:
«Сергей, постой! Как страшно на земле!..»

Земля родная! Восставать и славить
Победу жизни, появленье дня!
Ни смерти тлен, ни вражеская зависть,
Ни выстрел в спину — не страшат меня.

Пускай Иван останется — ведь он
Сегодня, бедный, пережил немало,
И обессилел парень, истомлен,
А был бойцом хорошего закала.
Пойду один, шагая по рядам,
Один склонюсь над мраморной доскою,
Последний долг товарищу отдам,
Последний раз коснусь его рукою,
Достану знамя, поцелую в лоб,
Скажу ему... Нет, не скажу ни слова...
Не сыщешь выражения такого,
Что выразить всего меня могло б!

В анатомичке университетской,
В ее пустой, неприбранной мертвецкой,
В глухом углу, с пробитой головой
Лежит товарищ, смелый, боевой.
Лежит товарищ в куртке грубой шерсти,
В простой рубахе, рассечённой вкось,
И, смеряно аршином долгим смерти,
Большое тело смирно улеглось.
Напрягся горбик смуглых дуг надбровных,
Безмолвно затаив немой вопрос,
И расплылся вдоль мускулов бескровных
Неизгладимый, мутно-желтый воск.
Кой-где на подбородке тонкий волос
Еще скользит из ослабелых пор...
Сергей тихонько шевельнул, освоясь,
Знакомый лоб, простреленный в упор.
Высокий лоб... Мой Осип! Встань скорее!

Нам надо жить — пути зовут, круты.
До боли вглядывался он, немея,
Познав молчанье тьмы и пустоты.
Он содрогнулся. Наклонясь над телом,
Он руку тихо протянул вперед
И флаг нашел — его мертвец сберег
Под полотном рубахи потемнелым.
И вот пурпурный лоскуток сатина,
Простая ткань, как искорка огня!
«Клянусь, ты жизни больше для меня,
И может быть, я под тобою сгину,
И, может быть, я выступлю с тобой,
Как знаменосец, избранный народом,
По черным землям проходя походом
В безвестный край, за далью голубой.
Я протопчу, дорогу пролагая,
И жар песков, и снега синеву,
И перед тем, как пасть, изнемогая,
Я жизнь свою — не даром проживу.
И не одну — я две бы жизни прожил,
Когда б две жизни было у меня,
Чтоб в смертный час вглядеться в мир без дрожи,
Знаменам Партии не изменя!»

Он знамя взял и вышел к темной шири
Сибирских нескончаемых сторон —
В непроницаемую ночь Сибири,
Во всеимперский, приполярный сон.
Огромные, бескрайние просторы

У ног его катились, как поток:
Приморья, степи, города и горы,
И пыль, и снег, и ветер, и песок.
Прижавши к сердцу знамя, в глубь дорог
Сергей шагнул, переступив порог.

НОЧЬ ПЕРЕД БОЕМ

Каспийская степь
сожжена дочерна и горбата.
Сады Карталинии
в росах, в цвету и в соку.
Тяжелые, стынут озера Эйбата,
Стремителен ветер Баку...
Тот ветер в развернутом знамени Кирова
Гудел, как прибой, колыхая шелка.
В те камни, в густые кусты тростника
Спокойно вступала нога командира.
Вот здесь он раскинул недолгий бивак,
Здесь бросил пропахшую порохом бурку
На синий, на хрусткий, как снег, солончак —
Товарищ и вождь,
командир и кунак
Бойцу и шахтеру, лезгину и тюрку.

Темнело. Шагами пространство деля,
Дозор проходил по пустынному миру.
Взойдя на пригорок, задумался Киров.

Волна грохотала, песок шевеля,
И жаром дышала сухая земля,
Соленая эта, скупая земля
Владетелей нефти, магнатов, банкиров...

И видит он:
      от Сурахан,
            через Баргушет
                  до Гянджи
Распластанный глиняный мир,
      шары, полушария, кубы —
Коробки для сна и еды,
      где люди забиты и грубы,
Где дети родятся в грязи
      и ползают в ней, как ужи.
Где горем заквашенный сыр,
      лепешка с песком — хороши.
Он видит рождение слов,
      прозренье забытых конурок,
Веками затоптанных в прах,
      заплесневелых, как гриб.
Он слышит, как учит своим
      гортанным говором тюрок
Большие слова — «делегат»,
      «совет», и «мандат», и «ревтриб».
Он издали видит
      спираль
            ураганного круговорота,
Простреленного офицера
      последний, отчаянный взмах;

Дашнакского маузера в сакле
предсмертную слышит зевоту
И шорохи волчьей стаи
муссаватистских папах.

Бои затихали над краем,
просверленным и пробитым,
Пронизанным жерлами скважин
до жирных его глубин,
Где в залежах олигоцена
плывет и скопляется битум,
Вползая в расщелины грунта,
в провалы песчаных ложбин.
Вот — кровь геологии.
Смолы, веками согретые.
Сало,
Засосанное в литосферу.
Процеженный недрами жир.
«...А сверл и сейчас нехватает!
Работать бы — время настало.
Так нет же — и нефть бюрократы
подводят под низший ранжир!»
Тут — посвист форсунок, тут — натиск,
дыханье, движенье моторов.
Энергия сжата в глубинах
и ждет, чтобы вылиться в труд.
«Теперь бы фонтан за фонтаном
пустить небывалым напором!
Со звоном бы двинуть в цистерны
поток этот тысячей труб!»

Решительно подняты плечи,
играют широкие мышцы,
Скрипит порыжелая сумка
с походным, привычным добром:
Блокнот для заметок и формул —
важнее, чем сон и чем пища,
Отчетливей цифр астронома,
размеренней, чем метроном;
Четвертка тифлисской «Правды» —
отчеркнутая страница
С обращением к закавказцам,
с ленинским мудрым письмом;
Потрепанный том Менделеева
о нефти — надо учиться! —
И, верный участник досуга,
Некрасова избранный том.
Припасы бойца-командира,
товарищи всяческих встрясок,
Амуниции боевой
мужественный формуляр...
Застыл, под себя поджимая
усталые ноги, подчасок —
Маленькой черной фигуркой
глядит на закатный пожар;
Стоят часовые с наганом,
засунутым за опоясок,
С испытанным карабином
над гребнем английских касок,
С кулаком синеватой бомбы,
оттянувшей карман шаровар...

Покой напряженья. А вечер
узорами цвел многогранно:
Такими узорами блещет
пергаментов древняя вязь.
Отсюда бессонная память
седых летописцев Ирана
Богатства свои собирала,
чудесным потоком лилась.
Аркады оранжевой меди,
пласты первозданной лазури,
Сквозь облачные колоннады —
багрянец далеких зарниц,
Мозаика светотени
цвела в переливах глазури —
Как Шемахинское ханство,
солнце клонилось ниц.
Былая земля Ирана,
аулов извечные склепы,
Где прадед, и внук, и праправнук
от голода зеленолиц,
Где раб-переписчик над свитком
глядел исступленно и слепо —
Все Шемахинское ханство
над нею склонилось ниц,
Былая земля кумирен
огнепоклонников-парсов,
Христос, Магомет, Адрамазда
в безвыходном круге божниц,
Измена, резня и убийство,
и петля, и нож между пальцев —

Кровавая пляска шахсея,
зверея, клонилась ниц,
Былая земля генералов,
отряды водивших песками,
Где тысячи рук взметнулись,
как крылья тысячи птиц,
Когда забастовке бакинской
«Путилов» ответил гудками —
Империи грузное солнце
над нею склонилось ниц.
Былая земля магнатов,
прошитая сотнями вышек,
Чтоб жарким запахом нефти
пахну́ло на биржи столиц,
Чтоб Нобель, Шибаев, Манташев
с победой к финишу вышел —
Над ней это солнце банкиров
бесславно склонилось ниц.
Былая земля муссавата,
одним оцененная чеком,
Промасленным нефтью чеком
детердинговских заграниц,
Иссеченная, исхлестанная
сухим интервентским стэком —
Как ханский бунчуконосец,
солнце склонилось ниц.
«Навеки!» — промолвил Киров.
И вдруг почувствовал гордость:
Ведь он утвердил эту землю,
на высшие вел рубежи.

Хотелось крикнуть навстречу
крутому кипенью норда:
«Эх, чорт побери, в самом деле, —
так хочется жить и жить!..»
И он, раскрывая ворот
выцветшей гимнастерки,
Прислушивался, как по жилам
прозрачная сила текла
От четкого ритма мыслей,
от размеренной щедро и зорко
Веселой, надежной крови,
бодрости и тепла.

Как пенисто-рыжие волны,
катились пространства периоды
И разбивались у ног,
рассыпав немолкнущий шум.
В песках проложил ветерок
зыбучие ходы и выходы.
Как ящерица — пески.
Как быстрая змейка — самум.
Пошли отголоски в горах.
Рождались невнятные гомоны.
У белых кричал часовой
над окруженным селом.
И рядом о ржавый песок,
о грунт, как сухарь, надломанный —
Шарахнулся вспугнутый сыч,
зашелестевши крылом.

Вставала каспийская ночь
    из каждой ложбины и трещины,
Дыша углеродом и серой,
    испарения нефти собрав,
Над степью, набегами орд
    истоптанной, битой, бесчещенной,
Где шел Тамерлан и Сельджук,
    фельдфебель и аргонавт.
Разливы подземных смол,
    плывучий невидимый гул.
Вкованный в конус горы,
    как золото в шлем — колчедан.
Раскачивание холмов.
    Волнистой земли караван.
За горою — гора и гора.
    За аулом — аул и аул.

«...Многоязыкий мой край!
    Я слышу, как ты встаешь.
Я слышу, как ты идешь.
    Я слышу — приходишь ты.
Для моря твоих людей
    теперь берегов не найдешь.
Для роста твоих людей
    мало уже высоты.
Народы, один за другим,
    на ста языках земли
Расписываются в листе
    под рубрикой «делегат».

Пришел Зангезур, Баку,
Карабах и Тифлис пришли,
И возле московских бойцов
стоит величавый тат.
Каспийский матрос и лезгин
бок о бок стоят, сплочены.
Различен их алфавит,
но смысл — неизменно схож.
Я слышу, как ты встаешь;
я слышу, как ты идешь;
Как люди твои растут —
пулеметчики и чабаны.
Мегрельской границы пыль
стряхивая с подошв,
Расспрашивает грузин
украинца про Перекоп.
Я слышу, как ты идешь;
я слышу, как ты растешь;
Как люди твои встают —
архитектор и рудокоп.
Рассказы друзей-армян,
слова земли Наири́
Повторяет усатый тюрк —
эйбатских тартальщиков вождь.
Я слышу, как ты растешь;
я слышу, как ты встаешь;
Как люди твои идут,
виноградари и плугари.
И в самый просторный дом,
какой в этом городе есть,

В городе древних стен,
обветшалых кирпичных груд —
Съезжаются люди твои,
неся о грядущем весть,
Люди, что знают смерть,
Люди, что знают труд.
Идут из больших городов
батрак, и шахтер, и кузнец,
Идут из аулов в скалах,
с высоких нагорных путей,
Принося на подножье трибун
биенье лучших сердец
И звучание лучших слов
из сказанных в жизни своей.
И тесно этим словам
итти из-под нищенских крыш
По гулким паркетам дворцов,
по анфиладам зал.
Рождаешься ты в тишине,
ты входишь сюда и гремишь,
Истории первый такт —
наш «Интернационал».
Пели мы тебя, готовясь к бою,
пели мы тебя и в день победный,
Мы тебя и перед смертью пели,
наша песня,
нашей клятвой будь!
Ты крепила наши баррикады,
с корабля сходила ты последней,

Первою врывалась ты в редуты,
с нами шла
в атаку, грудь на грудь.
Так не в сумрачных дворцах империй,
камнем, точно панцырем, одетых,
Не в костлявой готике соборов,
в капищах рукастого креста,
В слепоте камней и алебастра,
в арочных зияющих просветах —
Нет, не там твое жилище, песня,
и величие,
и простота.
Дом наш будет — светлый и прекрасный.
Дом, как мир, куда вступает песня,
И колонн торжественная стража
перед нею,
загремев, встает.
Тысячи строителей проходят,
в глади стен, зеркальной и отвесной,
В мраморе отражены.
И каждый
говорит:
«Вот — наше. Вот — мое».
Каждый имена творцов врезает,
вписывает в мраморные грани, —
В памятник истории и славы
класс врезает
строй своих имен.
Над флагштоком, как струна звенящим,
в блеске небывалого сиянья

Всходит солнце, всходит н а ш е солнце,
становясь
на страже у знамен!..»

Шли ветры, ракетой взвиваясь в созвездья.
И в этом предгрозьи застыв на-чеку,
Слова становились речью на съезде
В тысячебашенном старом Баку.
Стояли зубчатой стеной Сураханы,
Всадив в свои корни алмаз и корунд,
И вот позади, сквозь разорванный грунт,
Ударило зарево. Били фонтаны.
Прорвав заграждения, пламя шагнуло,
Как беглой кометы багровый поход...
И отсвет, и отзвуки долгого гула,
И горы дрожат, и шатается свод.
Огромная туча растет. Промелькнула
Тревога, смятенье, шаги караула;
И, врезанный в сумерки, пущенный в лёт,
Далёко в горах, над квадратом аула,
Вдруг выстрел, и тень минарета встает;
И горечь сухого, как дым, саксаула,
И ночь перед боем...
— Вперед!

ПОВЕСТЬ ТРЕТЬЯ

ДЕНЬ

Шурша, пролег мохнатый,
иглистый оттиск шины
По утренней пороше,
по россыпи пурги.
Мальчишески-проворно
он вышел из машины,
И скрипнул снег, встречая
поспешные шаги.
Как славно кровь бежала,
как глубоко дышалось
В просторах этих снежных,
в морозном холодке!
Гудел огромный город,
прибоем откликаясь,
И звонко дребезжали
трамваи вдалеке.
Взмывая дружной стаей,
слетали струйки снега
С широкоплечих елей,
расчищенных аллей.
Приезжий загляделся,
как кружится с разбега,

Как мечется у входа
веселый снеговей.
Приезжий загляделся:
вот перед ним крутые,
Крылатые колонны,
фронтона череда.
Семнадцать лет минуло
с тех пор, как он впервые,
Взволнованный и гордый,
с другими шел сюда.
Дыхание смиряя,
он шел под эти своды
По гулким коридорам,
в суровой мгле аркад;
На грозный съезд советов
семнадцатого года
Он проходил впервые —
боец и делегат.
И тот, кто на граните
вознесся вдохновенно,
Кто бронзовую руку
над миром распростер, —
Тогда живой и близкий,
навеки незабвенный,
Как другу улыбнулся,
привычно щуря взор.
Семнадцать лет минуло...
Бои Владикавказа,
Бессонные рассветы
на промыслах Баку,

И Ленинград, и вспышка
зиновьевской заразы...
Нет, право же, не время
стареть большевику!..
Он, через две ступеньки
переступая сразу,
Проходит в Смольный. Девять
бьет на часах вверху.

В своем пальто просторном
проходит он по дому,
Держа в руке фуражку
с широким козырьком.
Идет — и всюду слышен
секретаря обкома
Веселый, звучный голос,
и каждому знаком.
Волос густые пряди
откинуты упрямо,
Над серыми глазами —
крутых бровей излом,
И на висках искрится
серебряное пламя,
Как отсвет гроз великих,
как память о былом.
Идет, такой обычный,
насмешливый, пожалуй,
Кряжистый, невысокий
и сильный человек,

Один из полководцев
эпохи небывалой,
Отчизною своею
прославленный навек.
Народом окруженный,
проходит к кабинету,
К нему спешат с делами,
столпились у дверей.
О Калевале спорят
карельские поэты.
«Я знаю. Да, мы справим
столетний юбилей».
Встревоженно грохочут
колхозники из Пскова
Своей рыбачьей робой,
подковами сапог.
«Чтоб не порушить планы
весеннего улова,
Сетей, Мироныч, надо,
да солью бы помог!..»
Он наклонился в кресле,
он слушает спокойно,
И все, что помнить должен,
весь перечень забот
Записывает тут же,
отчетливо и стройно,
В свой дневничок походный,
в привычный свой блокнот:
Про вялую работу
псковского агитпропа,

Про шлифовальный камень,
        добытый из пластов;
Отчеркивает дважды,
        чтоб обсудить особо, —
О заготовке хлеба
        ста сорока сортов.
Десятый на исходе.
        Страницы до единой
Исписаны в блокноте
        заботливой рукой.
«У нас проверка завтра
        очередной турбины.
Мироныч, ты приедешь?»
        «Проверка? А, постой!
Меня один турбинщик
        учил такой затее:
Когда турбина внове
        идет на полный ход, —
Ребром тогда поставьте
        простой пятак над нею,
И если все исправно —
        пятак не упадет.
Не знаю, может статься,
        все это — ахинеи,
Зато прием проверить
        не вредно, в свой черед».
Привстав, зовет кого-то,
        с досадой вскинув плечи:
«Позволь тебе напомнить,
        что темп у вас — ослаб.

Как там с печами «Миге»?
Мы с бою взяли печи,
А ты нам все завалишь
с толпой своих растяп...:
Он был рассэржен — это
звучало в каждом слове,
В уржумском «о», приметном
упрямей и сильней.
Тогда глаза темнели
и прятались под брови,
И три морщины резко
вставали у бровей.
Когда же губы дрогнут
и как бы заиграют,
И огонек, теплея,
во взгляде проскользнет:
«Ну, здорово!» — он скажет,
и все без спора знают,
Что выполнена с честью
одна из их работ.
«Вам, лодырям, послаще
найти бы командиров.
Да ведь и мне не сладко
от этаких помех», —
Вдруг разведет руками
и улыбнется Киров, —
И на широких скулах,
как отблеск солнца — смех.

Последний посетитель
жмет руку на прощанье,
До потолка — махорки
туманное тепло.
День выходной сегодня,
и час — совсем не ранний.
Ноябрь уж на исходе —
тридцатое число.
Он встал — перекликаясь,
запели половицы —
Окинул, как хозяин,
стола скупой уклад,
Заботливо подвинул
на белые страницы
Путиловского рельса
синеющий квадрат,
Встряхнул в стакане зерна
арктической пшеницы,
На землях Ленинграда
проверенной стократ.
В руке любовно взвесил
кристаллик апатита, —
На грязный снег похожий,
бесформенный комок.
Вот — дар земли старинной,
столетиями скрытый,
В глухих, промерзлых почвах
он дивным кладом лег.
Вот — дорогой подарок,
он наливает всходы,

Он жизнью наполняет
густые зеленя,
Чтоб колыхался колос,
тучнея год от года,
Под грузом спелых зерен
свой стебель наклоня.
А вот — металла слиток.
Сребристо-серый иней
Укрыл его шершавый,
изъеденный овал—
То с Волхова впервые
добытый алюминий,
Упругий, легкий, светлый
и радостный металл.
Итоги и трофеи.
Квадратики кристаллин,
Простые тельца зерен,
тугой кулак руды.
И как бы отвечая,
с портрета смотрит Сталин
И шепчет: «Нет, Сережа,
не кончены труды!»
И взором взор встречая
учителя и брата,
Он думал: «Сколько счастья
судьба дала мне тут!
Какой народ чудесный,
какой простор богатый,
Какая это радость —
людской свободный труд!

Вы вновь стучите в сердце
волной горячей крови —
Знакомая тревога,
привычный непокой!
Ведь пламя боевое
живет. Я наготове
Сильнее и упорней
разжечь его прибой.
Что тюрьмы не сломили,
что вьюгой не покрыло,
Что полнило до края
и мысль, и страсть мою, —
Того никто не сломит,
не одолеет силы,
Рожденной в испытаньях,
проверенной в бою!
Кто прятался в обозе,
когда мы шли в походы,
Кто за руки хватался,
когда мы шли на бой,
Кто под ногами вязнул, —
тех вольные народы
Навек сметут с дороги,
просторной и прямой.
О, да! Мы знаем норов
змеиной их породы,
Мы сможем вырвать жало
бестрепетной рукой!
Мы обличим народу
их вражеское слово,

Распутаем по нитке
их черные дела.
Ведь искони не знала
история такого
Лукавства и обмана,
предательства и зла.
Продажные душонки,
бесчестные злодеи,
Взбесившаяся свора
беспринципных вояк!
Шипит вся эта сволочь,
услышавши, что с нею
Визжит гиена-Троцкий —
предателей вожак.
В углу приник Зиновьев...
Я помню о минуте,
Когда, таращa глазом,
косматая сова
Пищала нам, бледнея
в отчаяньи и люти,
Предательски-трусливо,
презренные слова.
О, да! Я помню ясно
дни грозного разгрома,
И мастеров измены,
отброшенных назад,
Когда, поднявшись, массы
их гнали вон из дома,
Навеки заграждая
им путь на Ленинград!

Отродье словоблудья,
зловонные уродцы,
Они еще таятся,
они шипят во мгле...
Для партии, для мира
работать, жить, бороться, —
Нет выше, нет прекрасней
отрады на земле!..»

Сквозь форточку струится
морозный, свежий воздух,
Несет с собою шелест
сугробов вдоль реки,
И грохоты трамвая,
и голоса прохожих, —
Как внятны шумы эти,
как живы, как близки!
Несет он терпкий запах
далеких гор и хвои —
Карельский этот ветер,
студеный, снеговой,
Целительный напиток
крепчайшего настоя,
Заваренный на темной
вершине мировой.
По комнате он ходит,
скользит неугомонно
По стенам кабинета
секретаря ЦК,

Тихонько поиграет
шнурами телефона,
Большую карту тронет,
качнет исподтишка.
Заслышав легкий шорох,
на карту глянет Киров,
Как будто измеряя
пространства там, вдали —
Спокойный бег потоков,
поспешный шаг пунктиров,
Все пышное цветенье
седой его земли.
Стоят крутые вехи,
отбитые на схеме
Кружками гидростанций,
трехгранниками руд.
На голубых озерах,
на льдистой глади Кеми,
На всех местах, где властно
меняет землю труд.
На Ладоге и Сяси,
на Шуе и Печоре,
В краю, где впован в тундру
горбун Кукисвумчорр,
На круторебрых скалах
вдоль Баренцова моря,
Повсюду эти вехи —
великих дел узор.
Гремят на Нивастрое
могучие турбины,

Поддерживая ровный
полночных солнц накал,
Рвут камень плодоносный
из сердца гор Хибины,
И рыбаки Мурма́на
выходят на аврал,
И по стволам каналов,
покачиваясь важно,
Плывут на север, к морю,
громады кораблей.
Какой простор богатый,
какой народ отважный,
Какой прекрасный подвиг
вершится на земле!..
Он наклонился, свежий,
еще немного влажный,
Последний номер «Правды»
раскинув на столе.
Вот Вячеслав Михалыч
из глубины страницы
Через овалы стекол
внимательно глядит...
Как воронье взметнется,
как черный стан взъярится,
Когда решенье наше
их гнезда разгромит!
В совхозах и колхозах
полны по крышу склады.
В них полторамильярдный
отборный груз залег —

Пахучих, спелых зерен
крутые водопады:
Достойному началу
достойнейший итог.
Муку — в хлебопекарни,
открыть торговлю хлебом,
Чтоб делу коммунизма
служить любым рублем, —
На партактиве завтра
наметим, что потребно,
Продуманно и точно
все меры проведем...
И Киров первым встанет,
примером увлекая,
И цифры воплотятся
в высокий строй речей,
И сердце гордым счастьем
наполнится до края,
И солнце дней грядущих
заблещет горячей.
Он знал о мощной силе
его простого слова,
Хотя не мог постигнуть,
чем пламень тот зажжен,
Но видел, как собранье
вздымается громово,
Когда, доклад окончив,
с трибуны сходит он.
Лишь чувствовал, что сердце
полно огнем, не кровью,

Едва он встанет с места,
едва он речь начнет, —
Но простоту и правду
в его малейшем слове
И ощущал, и видел,
и понимал народ...
«Конец. Еще проеду
по городу, к тому же
На стройках по Лесному
неделю не был сам».
И встал, пальто накинув
и застегнув потуже,
Портфель свой порыжелый
сгибая пополам.

Где молча цепенели
замшелые трясины,
Где ржавчиною в ямах —
сплетения хвощей,
Где запахами влаги
наполнены долины,
Где сосны покосились
под натиском дождей, —
Там город встал на сваях
и двинул вдоль низины
Разбег проспектов гулких,
овалы площадей.
Стоит великий город —
ему дал имя Ленин —

Заводов-исполинов
заслуженный завод,
Где первый залп «Авроры»
был знаком наступленья,
Где в Зимний шел волною
с оружием народ.
О, Ленинград мой, город
и зодчих, и матросов,
Властителей металла,
людей, взнуздавших гром,
Где тайны мирозданья
исследует философ,
Где в звездные просторы
глядится астроном!
Люблю твои колонны,
карнизы, капители,
Твоей Невы граниты,
безмолвный бег ее,
И величавость Росси,
и пышный блеск Растрелли,
Добытое трудами
спокойствие твое.
Я вижу, созерцая
чугунных плит узоры,
Какие злые тени
оставила борьба,
Когда в твои основы,
в подземные опоры
Гнал сваи, клал каменья
проклятый труд раба.

И вот передо мною
        яснеют очертанья
Твоих строений новых,
        растущих в небеса,
Дворец людского счастья,
        тех светлых дней созданье,
Когда близки все цели,
        доступны чудеса.
Счастливый, вижу ясно
        мечты свершенье этой.
В морозной мгле Сибири,
        в бакинском злом огне,
В походах астраханских
        я жил, мечтой согретый...
А хорошо мечтая, —
        работаешь вдвойне!
Люблю мечту такую,
        чтоб вся была земная,
Чтоб не боялась пота,
        чтоб в дело шла, горда,
Чтоб мускулов и плоти
        ждала не уставая,
Чтоб, как родных, встречала
        грядущие года.
Закрой глаза — и живчик
        размерными толчками
Искристо и стозвонно
        забьется над виском,
И счастье непокоя,
        и гроз житейских пламя

Всем телом ощущаешь,
мельчайшим уголком.
И если внятно миру,
и если миру зримо,
Как властна, как разумна
земных борцов рука —
Какой безмерной жизнью
нам жить ненасытимо,
Каким огнем пылать нам,
огнем большевика!
Раскрыть людские силы,
зарытые под сводом,
И русла рек раздвинуть,
и горы расколоть,
Навеки, неразрывно
соединя с народом
И чувства, и стремленья,
и разум свой, и плоть!..
Он вдруг припомнил фразу,
что произнес когда-то,
И снова захотелось
ту фразу повторить,
И прошептал беззвучно:
«Да, говоря по правде,
Так хочется сегодня
еще нам жить и жить!»

Машина мягко мчится,
скользит почти без звука

По восьмигранным шашкам
укатанных торцов.
Над улицею Стачек
две арки виадука
Уже свои опоры
замкнули с двух концов,
Уже сойдутся скоро
гремучих рельсов звенья,
И улицу спокойно
заполнит пешеход,
И поплывут по дугам
рожденного скрещенья
Вагоны, направляясь
в Путиловский завод.
Машина мчится к стройкам,
растущим вдоль околиц,
Несется Островами
в рабочий городок.
И все глядят, заслышав,
что едет их знакомец,
Все узнают машины
раскатистый гудок.
«Поехал Киров!» — скажет
соседу комсомолец.
«Поехал наш Мироныч!» —
смеется старичок.
Спешат друзья навстречу,
соратники, собратья,
Все те, с кем делит Киров
заботы, славу, труд.

Толпою выбегают
из клуба октябрята,
Ручонки поднимая
в торжественный салют.
Короткие бушлаты
подтягивая бодро,
Равняясь на машину,
идут призывники:
«Смотри, Мироныч, милый,
еще пройдет с полгода,
И станем мы, что надо —
балтийцы-моряки!»

Как мир сегодня молод!
Над городом огнистым
Кружит и вьется нежный,
морозный снеговей,
И звонко погасает,
и отсветом искристым
Всю землю устилает,
волной ложась на ней.
Темнеет. Засветились
на Выборгской огнями
Ряды широких окон.
Прожектор над Невой,
Скользнув, ударил в небо,
и под его лучами
Зашевелились тучи
громадой снеговой.

Прислушиваясь к шуму,
к дыханью городскому,
Спокойный взгляд вперяя,
стоит народный вождь;
Ему забот державных
величие знакомо,
Он ясно постигает
событий ход и мощь.

«Домой?» — «Домой, конечно».
Исчерпан краткий отдых.
День выходной окончен.
А дома — связки дел,
Страницы матерьялов,
колонки цифр холодных,
Но пламень вдохновенья
их озарял и грел.
Опять, до поздней ночи,
от корки и до корки
Перебирая ворох
исписанных листов
И окружаясь дымом
излюбленной махорки,
Искать для точных мыслей
простых и точных слов.
Мечту осуществляя
и замыслы итожа,
Бороться, состязаться...
Внезапно — телефон,

И голос самый близкий:
«Ты все не спишь, Сережа?
Готовишься? Отлично,
но вспомни и про сон...»
Знакомый и любимый,
единственный на свете,
Спокойный, тихий голос
доносится во мгле,
И он с любовью слышит
слова простые эти,
Звучащие в высоком,
торжественном Кремле.
В Москве, столице мира,
где звезды светят ясно,
Не спит его учитель,
его великий друг.
И радостно бороться,
и жизнь зовет, прекрасна,
И день встает, и дальний
светлеет неба круг.
Декабрь встает над миром.
В спокойствии суровом
Поднялся Киров. Штору
откинула рука.
«Вставай же, солнце! Славься,
дух творчества живого!
Живи, не зная смерти,
ты, жизнь большевика!»

Живи, не зная смерти!
Вовек священна слава
Героев, в мир пришедших,
чтоб смерть перебороть!
Жить в миллионах жизней —
великое их право,
Оно дано бессмертьем
и влито в дух и плоть.
Ничто не сломит жизни —
ни выстрелом, ни ядом,
Ни ложью, ни изменой
сломить ее нельзя.
Так уничтожьте жало
и раздавите гада,
Убейте смерть навеки
и славьте жизнь, друзья!
Встают творцы бессмертья,
мыслители, герои,
И день встает над миром,
как первый день веков.
Живи, дух жизненосный
и творчество живое,
Живи, не зная смерти,
ты — жизнь большевиков!

1935 — 1937

ПРИМЕЧАНИЯ *

ЗНАМЯ

«В 1904 году Киров оканчивает казанское техническое училище и в самый канун революции 1905 года уезжает в Сибирь, в Томск... В Томске Киров устраивается чертежником в Городской управе и поступает на вечерние общеобразовательные курсы, чтобы подготовиться в Технологический институт...

На общеобразовательных курсах в Томске Киров завел дружбу с рабочими-печатниками. Особенно близко он сошелся с братьями Кононовыми, при их содействии вступил в революционный кружок и в конце 1904 года стал членом большевистской группы Томской социал-демократической организации, в то время объединенной...

В подпольном кружке социал-демократов Киров впервые читает брошюру Ленина «Что делать?» Люди, знавшие Кирова в те годы, вспоминают,

---

* Составлены Б. Тургановым.

что брошюра произвела на него сильнейшее впечатление.

В конце 1904 года Киров входит в состав «подкомитета» социал-демократической организации. Сергей Миронович энергично берется за революционную работу, печатает на гектографе и мимеографе листовки, ведет агитацию среди рабочих, горячо отстаивая ленинские позиции.

Начинается бурный 1905 год. Кровавое воскресенье 9 января грозным эхом прокатывается по всей стране. Готовится выступление и в Томске...

На Кирова вместе с несколькими другими товарищами комитетом возложена непосредственная организация демонстрации. Сергей Миронович, поддерживаемый большевистски настроенными рабочими, настаивает на том, чтобы это выступление было вооруженным. Хотя револьверов, да и то очень плохих и старых, хватило только для пятнадцати-двадцати человек, — все же решено организовать вооруженную демонстрацию.

18 января на демонстрацию собралось несколько сот рабочих и студентов. Во главе дружинников Киров охранял знаменосца демонстрации, своего друга, рабочего-печатника Иосифа Кононова. Сначала демонстрация проходила беспрепятственно, но на главной улице города на демонстрантов напали городовые и казаки и открыли огонь. Демонстранты дали ответный залп из револьверов; среди нападающих — замешательство, несколько казаков упало... Но замешательство

скоро прошло, обстрел демонстрантов возобновился. Несколько демонстрантов тяжело ранено, и около ста человек избиты и получили легкие ранения. Смертельно ранен Иосиф Кононов. Демонстрация разогнана. Сергей Миронович едва спасся от озверевших казаков; у него шашкой рассечено пальто.

...В тот же вечер после демонстрации Киров, рискуя попасть в лапы озверевших жандармов, проходит сквозь полицейские патрули, разыскивает где-то в покойницкой труп Кононова, на груди которого оставалось спрятанным знамя. Киров спасает из рук полиции революционное знамя томских рабочих, обагренное кровью павшего борца.

26 января социал-демократическим комитетом были организованы похороны Кононова, на которые собралось около двух тысяч человек. Похороны превратились в крупную демонстрацию. Демонстранты были исполнены такой грозной решимости, что полиция не рискнула снова на них напасть.

Те, кто шли за гробом Кононова, читали на ходу листовку «В венок убитого товарища». Написал эту листовку Киров со своими товарищами. Листовка была отправлена за границу, и там в большевистской газете «Вперед» ее в траурной рамке напечатал Ленин. Здесь же была напечатана корреспонденция о томской вооруженной демонстрации.

Через несколько дней после демонстрации, 2 февраля, Кирова впервые арестовала полиция». («Сергей Миронович Киров. Краткий биографический очерк». Стр. 13—16. Из книги «С. М. Киров. Избранные статьи и речи». Государственное издательство политической литературы. 1939.)

Стр. 4.

На друга Осип посмотрел любовно...

«Вот как один из членов подпольного кружка описывает в этот период Кирова: невысокого роста, плотный, с только пробивающимися усиками, с откинутыми назад волосами, в потрепанной тужурке, в черной или синей косоворотке. Взгляд из-под немного нахмуренных бровей пытливый и внимательный». (Краткий биографический очерк. Стр. 14).

Не забывай, не забывай, Россия,
Девятый день седого января!..

В «Кровавое воскресенье» 9(22) января 1905 года царские войска и полиция расстреляли в Петербурге безоружную демонстрацию рабочих. «Страшная весть о кровавом злодеянии царя разнеслась повсюду. Возмущение и негодование охватили весь рабочий класс, всю страну. Не было города, где бы рабочие не бастовали в знак протеста против злодейства царя и не выставляли политических требований. Рабочие шли теперь на улицу с лозунгом «долой самодержавие». (История ВКП(б), краткий курс, стр. 56.)

Стр. 5.

...заросли черемухи близ Томи...

Томь — река в Сибири, приток Оби. На реке Томи расположен город Томск.

Ты, злой орел, двуглавый ворон черный...

Двуглавый орел — царский герб, символ самодержавия.

Стр. 7.

Ушайка — речка в Томске, приток Томи.

Стр. 10.

...Впервые в этой встрече
Ты видел братьев, гибнущих в рядах,
Их злую смерть, их раннее увечье...

«Истязания, каким были подвергнуты со стороны казаков и полиции рабочие и публика во время демонстрации, превосходят, действительно, все ужасы, все зверства. Были пущены в ход не только обычные кулаки и плеть, но и шашки, револьверы, железные полосы, поленья и молотки, — словом, все, что только попадало под руку озверевшим казакам и полицейским. Били на месте демонстрации, били и на других улицах, даже в частных дворах, куда скрывалась публика от преследований. Били и в участке, особенно в 5-м, где прямо истязали...» («Вперед», № 9, Женева, 8 марта (23 февраля) 1905 г.)

Стр. 11.

Макушин — владелец книжного магазина и типографии, издавал газету «Томский листок».

Тогда «Вперед» появится на свет,
Прибывший из Женевы через Питер...

«Вперед» — первая большевистская еженедельная газета, выходила в Женеве (Швейцария) с 4/I по 18/V 1905 года. Названа так по предложению Ленина. Газета сыграла огромную роль в деле идейного и организационного оформления большевизма. Выходила под непосредственным руководством В. И. Ленина, который уделял этой работе большое внимание. Связь с Россией, при помощи шифрованной переписки, вела Н. К. Крупская.

Стр. 12.

Сергей писал...

Вот подлинный текст листовки, сочиненной при участии товарища Кирова:

«В венок убитому товарищу. 18-го января пал от пули царского палача наш товарищ рабочий

Иосиф Егорович Кононов.

Он умер, как подобает умереть всякому рядовому той великой армии, которая называется всемирным пролетариатом. Он пал, как готов пасть каждый из нас, за рабочее дело. Он пал со знаменем в руках, под сенью которого рабочий класс

несет обновление всему старому миру... Он пал..., а полицейская сволочь, словно стая воронов, кружилась над ним. Он лежал уже в предсмертной агонии..., а они продолжали издеваться над ним, топтали ногами, били шашками и нагайками.

Царскому правительству мало было кровавых бань в Петербурге, Москве, Риге, Одессе и других городах. Двуглавый орел не может утолить своей жажды; ему нужны все новые и новые жертвы. И вот, в море крови, в котором купается царское правительство, влилась новая струя молодой благородной крови. Кровь лилась в Петербурге, Москве, Риге, кровь пролилась в Томске, кровь еще будет литься.

Рабочий класс знает это. Он знает, что нигде в мире свобода ему не давалась, а везде была добыта им кровью и жертвами.

Кровавые бойни, устроенные царским правительством, убедили его, что самодержавный тиран не сдастся без боя.

Тюрьмы и виселицы не запугают рабочий класс, штыки и пули не остановят революционного движения пролетариата.

Жертв уже положено много, жертвы еще будут, без жертв не обойтись. Так не будем, товарищи, бесцельно проливать слезы по новой жертве царского произвола.

Почтим память убитого товарища, борца лучше... дружнее соединимся под знаменем социал-демо-

кратии и нанесем окончательный удар царской монархии.

И всем, кому дороги интересы пролетариата, скажем:

Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших с оружьем в руках,
Не пойте над ними надгробных стихов,
Слезой не скверните их прах;
Не нужно ни песен, ни слез мертвецам,
Отдайте им лучший почет,
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед.

«Вечная память товарищу борцу».

(«Вперед», № 11, Женева, 23/10 марта 1905 г.)

Стр. 16.

...Лежит товарищ, смелый, боевой.

«Кононова хоронили через несколько дней после демонстрации. В гробу он лежал в красной рубашке, и в венке была красная лента». («Вперед», № 12, Женева, 29/16 марта 1905 г.)

НОЧЬ ПЕРЕД БОЕМ

«В январе 1920 г. по указаниям товарища Сталина и под непосредственным руководством Кирова и Орджоникидзе развертывается наступление XI армии на Северный Кавказ. 31 марта Киров вместе с Орджоникидзе во главе частей XI армии прибывают во Владикавказ, только что

занятый красными войсками, а к 1 мая они уже в Баку, где восставшие бакинские рабочие при поддержке подошедших красных бронепоездов свергли власть муссаватистов и провозгласили власть Советов». («С. М. Киров. Избранные статьи и речи», стр. 135.)

Стр. 19.

Сады Карталинии... озера Эйбата...

Карталиния — плодородная, хорошо орошенная часть восточной Грузии по среднему течению Куры.

Эйбат (Биби-Эйбат) — нефтяные промыслы в окрестностях Баку.

Стремителен ветер Баку...

Особенность Баку — постоянные сильные ветры. Об этом говорит название города (по-фарсидски «Бад-кубэ» — «Избиваемый ветрами»).

...командир и кунак...

Кунак (тюркское) — друг, приятель.

Стр. 20.

...от Сурахан, через Баргушет, до Гянджи...

Сураханы — нефтяной район вблизи Баку.

Баргушет — железнодорожная станция на пути между Баку и Гянджой.

Гянджа — теперь Кировабад — крупнейший после Баку город АзССР, центр шелководства и виноделия.

В изображении М. Бажана товарищ Киров как бы охватывает взглядом всю срединную часть Азербайджана: низменную полынно-солончаковую степь вдоль нижнего течения Куры — «распластанный глиняный мир...»

Стр. 21.

Дашнакского маузера... муссаватистских папах...

Дашнаки и муссаватисты — члены контрреволюционных буржуазно-националистических партий: армянской («дашнакцутюн») и тюркской («муссават»). Прикрываясь «демократическими» лозунгами, обе партии защищали интересы крупной буржуазии, реакционного духовенства и помещиков — беков. В блоке с грузинскими меньшевиками, дашнаки и муссаватисты в 1918 году захватили власть в Закавказьи и декларировали создание «независимых» Грузии, Армении и Азербайджана. Фактически все три республики были оккупированы войсками интервентов (турецкими, затем английскими). Господство дашнаков и муссаватистов, ознаменованное массовым белым террором и безудержным разжиганием национальной вражды, привело край к полной разрухе. В 1920 году революционный пролетариат Азербайджана и Армении, при поддержке Красной Армии, восстановил в этих республиках советскую власть. Попытка муссаватистов в мае 1920 года поднять восстание в Гяндже была ликвидирована.

...в залежах олигоцена плывет и скопляется битум...

Олигоцен — геологический термин, обозначающий систему отложений земной коры, относящихся к так называемому третичному периоду. В пластах олигоцена сосредоточены преимущественно залегания нефти.

Битумы — общее название веществ, состоящих из углеводородов и их производных. К чистым битумам относятся в частности нефть, горный деготь, горные смолы, асфальт и т. д. Битумы либо скопляются в трещинах и пустотах горных пород, либо насыщают проницаемые зернистые, главным образом песчаные породы.

Смолы, веками согретые.
Сало,
Засосанное в литосферу.
Процеженный недрами жир...

Подразумевается нефть и другие битумы.

Литосфера — земная кора. Автор в образной форме излагает различные научные гипотезы образования нефти: в результате вулканических явлений, под давлением горных пород, как результат разложения растительных остатков и т. д.

Стр. 22.

Четвертка тифлисской «Правды» —
отчеркнутая страница
С обращением к закавказцам,
с ленинским мудрым письмом...

8 мая 1921 года в № 55 тифлисской газеты «Правда Грузии» было опубликовано письмо

В. И. Ленина — «Товарищам-коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики». В этом письме Ленин в лаконически сжатой форме наметил исчерпывающую программу дальнейшей деятельности коммунистов Закавказья, наметил программу работ по хозяйственному восстановлению разоренного края.

«Всеми силами развить... производительные силы богатого края...», — писал Ленин. «...Сразу постараться улучшить положение крестьян и начать крупные работы электрификации, орошения...» (В. И. Ленин, Сочинения, т. XXVI, стр. 192, 3-е изд.)

Стр. 23.

Как Шемахинское ханство,
солнце клонилось ниц...

Шемахинское ханство (по имени главного города — Шемахи) занимало восточную часть территории современного Азербайджана, являясь причиной постоянных раздоров между Турцией и Ираном. Непрерывные войны и грабительская политика ханов разорили эту область. В 1820 году Шемахинское ханство было присоединено к русским владениям. Возможно, именно отголоски этого события дали повод Пушкину вывести в «Сказке о золотом петушке» «Шемаханскую царицу», как символ сказочной роскоши мусульманского Востока.

Неуклонное падение варварски пышного восточного ханства М. Бажан сравнивает с закатом

солнца. Бажан расширяет и углубляет этот образ, возвращаясь к нему, как лейтмотиву, в строфах поэмы, изображающих закат старого мира — мира насилия, грабежа и эксплоатации. Самое повторение этого образа, повторение неизменных слов «склонилось ниц» напоминает так называемый «редиф» иранской и турецкой поэзии.

...земля кумирен огнепоклонников-парсов...

Парсы, или гебры — потомки огнепоклонников--иранцев, частично сохранившиеся в Иране, а в большинстве выселившиеся в Индию после завоевания Ирана арабами в 636—650 годах. Они сохранили древнюю религию Зердехешта (Зороастра), одной из отличительных особенностей которой является культ огня. В окрестностях Сурахан сохранился древний храм парсов; в нем до недавнего времени они поддерживали «вечный огонь», пользуясь струями горючих углеводородных газов, пробивающихся из-под земли.

Адрамазда (Ахурамазда, Ормузд) — в представлении парсов — создатель вселенной, верховное светлое божество их религии.

Стр. 24.

Кровавая пляска шахсея...

Шахсей-вахсей — траурная процессия, ежегодно устраиваемая в Иране мусульманами-шиитами в память Хусейна, внука Мохаммеда. Шахсей-вахсей сопровождается кровавыми, изуверскими

обрядами: участники процессии режут себя кинжалами, ножами, наносят удары цепями. В советском Азербайджане это фанатическое празднество прекратилось.

Нобель, Шибаев, Манташев — крупные нефтепромышленники царской России.

...Промасленным нефтью чеком
детердинговских заграниц...

Детердинг, Генри — руководитель мирового англо-голландского нефтяного концерна «Рояль Детч Шелл», один из вдохновителей и инициаторов вооруженной интервенции против СССР. На Генуэзской и Гаагской конференциях 1922 года добивался получения концессии на нефтяные промыслы Кавказа. После провала этих планов пытался организовать бойкот советской нефти заграницей.

Стр. 26.

...Где шел Тамерлан и Сельджук,
фельдфебель и аргонавт...

Благодаря своему географическому положению, Азербайджан с давних времен являлся местом, где скрещивались интересы многих народов, столбовой дорогой для армий великих завоевателей древности. Здесь побывали римляне, арабы, монголы, турки-османы, войска иранских шах-ин-шахов и царской России.

Тамерлан (правильно Тимур-и-Ленг, 1333—1405) — основатель обширного среднеазиатского

государства. Между 1381—1393 годами завоевал Иран, затем Грузию.

Сельджук — вождь одного из тюркских племен, впоследствии названного его именем. В начале XI века сельджуки овладели Ираном и Закавказьем. Государство сельджуков было разрушено монголами.

Аргонавт — участник легендарного похода древнегреческих героев в Колхиду — страну на кавказском побережьи Черного моря (современная Абхазия).

Стр. 27.

...слова земли Наирй...

Наирй — древнее название Армении.

...эйбатских тартальщиков вождь...

Тартальщик — рабочий-нефтяник, добывающий нефть по способу тартания — вычерпывания ее особыми ведрами (желонками).

Стр. 29.

Дом наш будет — светлый и прекрасный...

В основе этих стихов лежат следующие слова из речи товарища Кирова, произнесенной на I Съезде Советов Союза Советских Социалистических республик 30 декабря 1922 года:

«...не пройдет много времени, как нам станет тесно в этом прекрасном, блестящем зале. Я думаю, что скоро потребуется для наших собраний, для наших исключительных парламентов более

просторное, более широкое помещение. Я думаю, скоро мы почувствуем, что под этим огромным куполом уже не умещаются великие звуки «Интернационала». Я думаю, что скоро настанет такой момент, когда на этих скамьях не хватит места делегатам всех республик, объединенных в наш Союз.

...мы с быстротою молнии стираем с лица земли дворцы банкиров, помещиков и царей... Воздвигнем же на месте их новый дворец рабочих и трудящихся крестьян, соберем все, чем богаты советские страны, вложим все наше рабоче-крестьянское творчество в этот памятник и покажем нашим друзьям и недругам, что мы, «полуазиаты», мы, на которых до сих пор продолжают смотреть сверху вниз, способны украшать грешную землю такими памятниками, которые нашим врагам и не снились». (С. М. Киров. Избранные статьи и речи, стр. 177—178.)

ДЕНЬ

«Поставленный партией во главе Ленинградской организации, Киров быстро ориентируется в новой обстановке и крепко, уверенно выдвигает те вопросы, от которых в огромной степени зависит будущность ленинградской промышленности, будущность самого Ленинграда, как крупнейшего пролетарского промышленного центра страны...

Киров... сам десятки раз бывал на Металличе-

ском заводе, на «Большевике»; на заводе имени Карла Маркса и особенно на «Красном путиловце», ...сам следил буквально за каждой новой турбиной, ...лично рано поутру, а еще чаще поздно ночью в тракторных цехах «Красного путиловца» не раз и не два вместе с инженерами и техниками, вместе со старыми рабочими-производственниками тщательно просматривал каждую деталь вновь организуемого производства, обдумывал, как преодолеть то или иное неожиданно возникшее затруднение, всегда находя самый короткий и самый верный способ разрешения вопроса...

Преодолевая сомнения многих «испытанных практиков», Киров смело ставит вопрос о сооружении самой северной в мире — заполярной гидроэлектростанции на реке Ниве, а также еще дальше на севере — станции на реке Туломе... Под его руководством создается первый в Союзе Волховский алюминиевый завод...

Сергею Мироновичу обязана наша страна организацией разработки богатейших, имеющих мировое значение залежей апатитов в Хибинской тундре. Благодаря личному вмешательству Кирова вопрос о создании гигантского индустриального комбината и нового крупного промышленного центра в мерзлой тундре, в суровых условиях Заполярья был решен твердо и бесповоротно.

Роль Кирова в освоении богатств нашего Севера огромна. По его указаниям развертывается строительство мурманских рыбных промыслов, мощного

мурманского тралового флота, незамерзающего Мурманского порта, развитие Мурманской железной дороги и самого города Мурманска, превратившегося в большой промышленный и культурный центр на далеком и угрюмом Севере...

Киров первый выдвинул задачу широкого внедрения пшеницы на нашем Севере и, опрокинув возражения многочисленных скептиков и оппортунистов, добился полного успеха в этой области...

Много внимания и забот, особенно в последние годы своей работы, уделял Киров обновлению Ленинграда, строительству новых домов, прокладке новых широких улиц... Он сам рассматривает проекты перепланировки улиц, прикидывает, как это выйдет в натуре, ...сам проверяет, как Октябрьская дорога строит пересечку у завода «Красный путиловец» на улице Стачек, заходит по дороге в квартиры рабочих, чтобы проверить качество новой стройки.

Ежедневно утром Киров приезжает на ту или иную стройку. Он знает город Ленина лучше любого исконного ленинградца, и везде, куда он заглядывает своим зорким глазом, работа спорится лучше, люди набираются новой энергии, все трудности разрешаются быстрее... Кабинет Кирова был центром, куда сходились все нити гигантского строительства Ленинграда и Ленинградской области...

Ведя неустанную и непримиримую борьбу с врагами партии, с врагами социализма, с врагами на-

рода, Киров сплачивал ленинградских большевиков, партийных и непартийных, вокруг Центрального Комитета нашей партии, вокруг Сталина.

Киров руководил разгромом троцкистско-зиновьевской банды в Ленинграде, оставив оппозиционных генералов без армии. Киров был в первой шеренге бойцов за единство партии, беспощадно разоблачал всех и всяких уклонистов и оппозиционеров, вел жестокую борьбу с врагами ленинской партии, был соратником и другом великого Сталина, был одним из руководителей великой социалистической стройки, одним из тех, кто закладывал фундамент счастливой и радостной жизни советского народа.

Поэтому он был ненавистен троцкистско-зиновьевским, правым и всем прочим бандитам, врагам народа. Поэтому на Кирова был направлен удар подлых наймитов фашизма...

Товарищ Жданов в своей речи на активе Ленинградской партийной организации ярко выразил мысли и чувства всей партии, всего нашего великого народа:

«Жизнь товарища Кирова была оборвана предательской пулей злодея в период полного расцвета творческих сил Сергея Мироновича. Этот расцвет его творческих сил был тесно связан с буйным расцветом социализма, который идет в нашей стране, который так ярко цветет в Ленинграде, в этом передовом форпосте коммунизма». (Краткий биографический очерк. Стр. 70—96).

Стр. 32.

...вот перед ним крутые,
Крылатые колонны,
фронтона череда.

Здание Смольного института в Петербурге (ныне Ленинград) построено архитектором Джакомо Кваренги (1744—1817). С первых дней революции 1917 года Смольный стал штабом боевых сил пролетариата: в нем разместился Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. В настоящее время в Смольном сосредоточены партийные организации Ленинградской области.

...грозный съезд советов семнадцатого года...

«II Всероссийский съезд Советов открылся в Смольном в 10 часов 45 минут вечера 25 октября (7 ноября) 1917 года, когда победоносное восстание в Петрограде было уже в полном разгаре и власть в столице фактически находилась в руках Петроградского Совета». (Краткий курс истории ВКП(б), стр. 199.)

II съезд объявил о переходе всей власти в руки Советов. Съезд принял декреты о мире и о земле, сформировал первое Советское правительство — Совет народных комиссаров. Председателем Совнаркома был избран Ленин.

С. М. Киров участвовал на Съезде как делегат от Владикавказа и Кабарды.

Стр. 34.

Калевала — собрание эпических песен карело-финского народа. Большая часть песен записана со слов народного певца, крестьянина Пертунена. Песни впервые собрал и издал Элиас Леннрот в 1835 году. Калевала изображает героическую борьбу человека с силами природы; в центре эпоса — мифическая фигура старца Вейнемейнена.

Стр. 37.

Окинул, как хозяин,
стола скупой уклад...

«Рабочий стол Кирова в его кабинете в Смольном — это целая лаборатория: тут и новые краски для тканей и для окраски домов, первые слитки советского алюминия, изделия из чугуна, выплавленного на торфяном коксе, образцы редких ископаемых Кольского полуострова...» (Краткий биографический очерк.)

Апатит — минерал, одна из важнейших агрономических руд фосфатной группы. Агрономические руды содержат вещества (соединения фосфора, азота, калия, кальция и серы), усиливающие рост растений и улучшающие вегетативные качества почвы, и потому применяются для изготовления искусственных удобрений. Основные месторождения апатитов в СССР расположены

в Хибинском горном массиве Кольского полуострова.

Стр. 42.

На Ладоге и Сяси,
 на Шуе и Печоре,
В краю, где вкован в тундру
 горбун Кукисвумчорр,
На круторебрых скалах
 вдоль Баренцова моря...

«То, что вчера казалось совершенно непробудным, куда, как говорили, Макар телят не гонял, куда в царское время только в ссылку людей ссылали, — теперь там волей большевиков на базе природных богатств (апатиты, железо, молибден, слюда, торий, титан и др.), в полутундре, куда до сих пор нога человеческая не ступала, создан новый быстро растущий индустриальный центр заполярного круга». (Речь тов. Кирова на XVII съезде ВКП(б) 31 января 1934 г. «С. М. Киров. Избранные статьи и речи», стр. 628.)

Кукисвумчорр — плоская возвышенность в системе Хибинского массива. Здесь расположены наиболее исследованные месторождения апатитонефелиновых пород, около 300 миллионов тонн.

Баренцово море — часть Северного Полярного моря между островом Шпицберген, землей Франца-Иосифа, Новой Землей и береговой линией Кольского полуострова. На побережьи Баренцова моря — город Мурманск.

Стр. 45.

Лесной — проспект в Ленинграде, один из центров нового жилищного строительства.

Стр. 46.

И величавость Росси, и пышный блеск Растрелли...

Имена двух зодчих, создавших выдающиеся архитектурные ансамбли старого Петербурга. Бартоломео Растрелли (1701—1771), гениальный мастер, создал Зимний и Аничковский дворцы, дворец в Детском селе и многие другие здания в стиле барокко. Стиль этот характерен подчеркнутым стремлением к внешней живописности архитектурных форм.

Карл Росси (1775—1849) — представитель классической школы, построил здание Главного Штаба на Дворцовой площади (ныне площадь Урицкого), Михайловский дворец (ныне Русский музей), Александринский театр.

Стр. 48.

Да, говоря по правде...

Широко известная фраза из речи Кирова на XVII съезде ВКП(б): «Успехи действительно у нас громадны. Чорт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить. На самом деле,

посмотрите, что делается...» (Избранные статьи и речи, стр. 637.)

Стр. 50.

Засветились на Выборгской огнями
ряды широких окон...

Выборгская сторона — часть Ленинграда по правому берегу Невы, напротив Смольного.

СОДЕРЖАНИЕ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Вышли из печати в 1940 г.

А. И. Герцен — Сорока-воровка.
М. Горький — 1905 год.
А. Серафимович — 1905 год.
А. П. Чехов — Забытое и несобранное.
С. Щипачев — Лирика.
В. Лидин — Актриса.
А. Караваева — Рассказы.
К. М. Станюкович — Морские рассказы.
С. Диковский — Рассказы.
А. Твардовский — Избранные стихи.
Ги де Мопассан — Оливковая роща.
Калмыцкий эпос — Джангар.
В. Козин — Путешествие за стадом.
В. Маяковский — Стихи.
М. Горький — Рассказ о безответной любви.
А. Додэ — Рассказы.
Эффенди Капиев — Разговор о поэзии.
А. Эрлих — Военные рассказы.
В. Катаев — Под Сморгонью.
М. Рыльский — Стихи.
А. Радищев — Стихотворения.

Н. С. Лесков — Рассказы.

А. Письменный — Рассказы.

А. Еголин — А. И. Герцен.

Сборник — Финляндские рассказы.

В. Ардов — Редкий экземпляр.

А. Новиков-Прибой — Во имя родины (новые главы из «Цусимы»).

К. Симонов — Стихи.

В. Попов — Марфа Крюкова.

Проспер Мериме — Кармен.

А. Хамадан — Бронзовая медаль.

А. Блок — Поэмы.

Современные русские сказки.

Песни и думы Советской Украины.

Геннадий Фиш — Вредная черепашка и теленомус.

Конст. Федин — Новые рассказы.

Перси Биши Шелли — Стихи.

Г. Коновалов — Калмыцкий брод.

Л. Шейнин — Отец Амвросий (из записок следователя).

В. Стефаник — Новеллы.

Марк Твэн — Рассказы.

Цена 40 коп.